

Григорий Барац

Фальшивомонетки

Почти документальный рассказ

Сон

Ветер с моря раскачал еще голые ветви акации, и они выстукивали морзянку по оконному стеклу на третьем этаже. Солнце, выглянув из-за двухэтажного дома на противоположной стороне улицы, легко пробилось сквозь паутину безлистных ветвей и норовило попасть в лицо. Неловкие попытки увернуться не удались, но открывать глаза не хотелось. Ленивый воскресный день позволял поваляться подольше. Сложнее было с ушами.

Сквозь накинутую на голову подушку были едва слышны какие-то цокающие звуки вперемежку с гортанными криками. Сквозь дремоту, то просыпаясь, то вновь проваливаясь, Гарик силился их узнать. Он увидел себя на полянке в Щепном переулке в окружении пацанов. Стопка медных монет разлетелась от попавшей в нее биты – свинцового кругляша с выцарапанным на нем его именем. Те монеты, которые легли орлом вверх, он сразу сунул в карман драных штанов. Остальные бил по краешку, переворачивая с решки на орла.

Сознание вернулось, будто щелкнул выключатель, но звуки из сновидения перенеслись в реальность. Он выглянул в окно. На тротуаре противоположной стороны улицы играли в пожара. Но не мальчишки, а его сверстники Витька Фудбик, Марик Цукерман, Олежка Курочкин и еще несколько тридцати-сорокалетних парней.

Игроки встретили его ликующими возгласами. Но он не подумал захватить мелочь, и их энтузиазм тут же угас. Едва выпросив

разок метнуть биту, он с первой попытки разбил банк и, удовлетворенный результатом, вернулся домой.

– И ты туда же, – ухмыльнулась жена. – Этих безграмотных оболтусов еще можно понять. Кому они сейчас нужны с их профтехобразованием? Везде сокращение штатов, многие вовсе закрылись. Кто половчей, кооперативы пооткрывали и неплохо зарабатывают. Ты же хвастаешь, что у тебя и техническое, и гуманитарное образование. Придумай что-нибудь. Надо же на что-то жить.

– Жить можно только на деньги, но чтобы были деньги, нужно что-то продать, а чтобы что-то продать, нужно что-то купить, а для этого нужны деньги, – неловко скаламбурил Чалин. И про себя пробормотал: «Где-то я уже это говорил».

Подкрылки

Старенький «Жигуленок», поймав передним колесом глубокую выбоину, которую дождь замаскировал под лужу, припарковался у тротуара.

– Если на дороге ямы – будь спокоен, Гарик, ты дома. Одноклассник Фима и все знающие Чалина с детства звали его так же, как звала его мама, – Гариком.

Проходя мимо кривобокой телефонной будки, прислонившейся к стене дома, Фимка ухмыльнулся:

– Если видишь телефон-автомат с оборванной трубкой – будь спокоен, Гарик, ты дома.

Открывая входную дверь пятиэтажки-хрущевки, Фима продолжил ерничать:

– Если, войдя в парадную, ты чувствуешь запах кошатины, видишь сломанные перила и обрушенные ступеньки – будь спокоен, ты дома.

– Гриша, это снова к тебе, – дверь в квартиру открыла Гришина жена Лора. – Проходите, там уже все собрались.

«Всеми собравшимися» были однокурсники Чалина по техникуму: Левка Новак – бывший комсорг группы, идеалист, изобретатель и рукодельник, и Петр Макагон – к тому времени

заместитель директора крупной торговой фирмы, которого друзья не перестали звать, как в студенческие времена, Пецей.

– Не торопевайтесь, – показывая на часы, сказал вечно торопящийся Пеца.

– Все равно Хутора будем ждать, – здороваясь со всеми за руку, заверил Гарик.

– Я все слышу, – раздался из коридора голос Сашки Хуторянского, разбалованного шухерного оболтуса из зажиточной одесской семьи потомственных строителей. – Вы бы лучше, встречая меня, чепчики вверх бросали, – продолжил Хутор, заходя в собрание.

– Может быть, лучше в тебя, и чем-нибудь потяжелей? – парировал Пеца.

– И это в меня, победителя советской неразрешительной системы! – возмутился Саня. – Мы кем были до сих пор?! Как ты-сячи советских интеллигентов – мелкими антисоветчиками. А теперь мы кооператив! Кооператив с гордым именем «Подкрылки»!

– А на «Крылья» тебя уже не хватило? – с упреком в голосе спросил Пеца.

– Вот-вот, – продолжил Саня, – предрик мне тоже предлагал: «Назовите кооператив «Крылья советов».

– Предрик – это кто? – вмешался в разговор домосед Гриша.

– Политически безграмотным объясняю: предрик – это председатель районного исполнительного комитета. «Назовите, – говорит он, – свой кооператив «Крылья советов». А я возьми да брякни: «У нашего кооператива еще крылья не выросли, и вообще «Крылья советов» – это футбольная команда. Так что «Подкрылки» самый раз». Еще пытали, чего производить будем. Молчал как партизан. А правда, чего делать будем, придумали?

– Надо что-нибудь модное, – задумчиво произнес Пеца.

– Сейчас в моде все французское, – тут же выпалил Гарик.

Ни секунды не задумываясь, Пеца монотонно произнес:

– Значит, будем выпускать французское.

– Как это? – чуть ли не хором произнесли все.

– А так, – тоном многоопытного наставника продолжил Пеца. – Спросят: «У вас есть что-нибудь французское?». Ответим: «Есть, но одесское».

– Хорош каламбуришь, дельное что-то придумайте, – предложил Лева. – Объявляю мозговой штурм для всех, у кого они есть. По кругу, по одному предложению с каждого. Саня, начинай.

– Сами придумывайте, но такое, чтобы легче было сделать, – отвертелся Хутор.

– Пацаны, Юморина близится. Может быть, какие-нибудь сувениры? – задумчиво произнес Гарик.

– И кто и кому их будет дарить? – засомневался Фима.

– Дарить их не надо, продавать будем. Это моя забота, – безапелляционно произнес Пеца.

– Тогда давайте делать какой-нибудь такой товар, – озабоченно произнес Лева, – который мог бы продаваться, причем за деньги.

– А можно обойтись без товара? – вновь вклинился Хутор.

– Можно, – отозвался Гриша, – только тогда мы обойдемся и без денег.

– Лучше денег могут быть только деньги, но которых никто не видал, – нарочито оперным голосом пропел Фима.

Всплеснув руками, Гарик вскрикнул:

– Гениальная ария, Фимка, стратегическая, идейная! Будем выпускать одесские деньги!

– Мы что – банк? – спросил Лева. – Хотите нажать себе приключения на все места?

– Да что там банк! – продолжил Гарик. – Откроем Одесский фальшивомонетный двор.

– Давненько не рисовал фальшивые деньги... Я готов! – потирая руки, согласился Гриша.

– Одесский ум – он лучший самый! – дирижируя сам себе, пропел Фима.

Дюкаты

– С чего начнем? Доллары, фунты, юани, пенни, пфенниги, сантимы? Дайте только настоящие образцы, побольше и навсегда, – произнес Гриша, посплюнявив пальцы, имитируя пересчет пачки купюр.

– Может быть, организовать тебе вход в хранилище золотого запаса или экскурсию на монетный двор? – беззлобно огрызнулся Пеца.

– Вот для чего вы без нужды пикируетесь? Не для кого стараться – женщин пока рядом нет, – громко произнес Фимочка, глядя на проходящих мимо девушек и раскачивая выдавшую виды колченогую скамейку, приютившуюся в Пале-Рояле, на которой уместился весь кооператив «Подкрылки», укрывшись в тени широколистной катальпы.

– Объявляю мозговой штурм, напрягите свои несовершенки, – нарочито приказным тоном сказал Гарик. – Какие деньги могут быть дороже денег?

– Только фальшивые, которые нельзя распознать, что они фальшивые, – самоуверенно произнес Пеца, доставая из внутреннего кармана куртки пухлый кошелек. – Вот смотрите, – продолжил он, вынимая из кошелька сторублевые купюры, – как будто бы настоящие, а что на них купишь? Разве что доллары в банке, если повезет, по шестьдесят две копейки за штуку.

– А если наоборот? – стал рассуждать вслух Лева. – Под видом фальшивых выпускать настоящие деньги?

– Это как? – удивился Гарик.

– Это должны быть чисто одесские деньги, свободно конвертируемая валюта, то есть она свободно должна вкладываться и выниматься из конверта, – назидательно произнес Гриша.

– По форме правильно, а по содержанию каждая купюра должна иметь ценность одесского сувенира, карикатуры и социально-политического плаката, – неожиданно сформулировал Лева, – и, прежде всего...

– Верной дорогой идете, товарищ комсорг, – перебил его Пеца. – А нельзя ли поконкретнее: название купюр, монет, политлозунгов?

– Вы сами мастаки поизголяться над всем на свете, – парировал Лева. – Событий, узнаваемых мест, известных личностей в нашем городе с избытком. Например, Потемкинская лестница или памятник Потемкинцам на Екатерининской площади.

– Комсорг зрит в корень, политически грамотно мыслит. Свои взятки нужно брать, – ухмыльнулся заядлый преферансист Пеца.

– Переведи народу на понятный всем сленг, – попросил Гарик.

– Лев намекает нам на лояльность к власти и партии нашей родной, – открыл карты Пеца. – Если мы начнем с политически незрелых, так сказать, произведений, нам быстро дадут под зад.

– Но сейчас же перестройка, гласность. Гавкать разрешили, – парировал Лева.

– Это тебе кто сказал? – скривился Пеца. – Вот тот, кто тебе это сказал, – тому и можно.

– Если с жертв кулинарного бунта начинать – деньгу нужно будет назвать «утюг», – заговорил Хутор. – Этот, с позволения сказать, монумент иначе как утюгом в Одессе не кличут.

– Лестницу Гришка изобразит лихо, а назовем деньги потемкинскими – нам в лучшем случае шею намылят, – вслух размышлял Пеца. – Да и неохота фальсификацию великого режиссера поддерживать настоящими деньгами.

– Идея! Иде я нахожуся?! – восторженно произнес Гарик и сам себе ответил: – Среди самых толковых, креативных пацанов. Кто в Одессе самая известная личность и как его зовут?

– Полное имя Дюка Ришелье – Арман Эммануэль Софи-Септимани де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон, пятый герцог Ришелье, – без запинки произнес Гриша.

– Гриша, ну-ка еще разок блесни эрудицией. Вопрос на засыпку, – хитро улыбнулся Гарик, – была такая валюта – дукаты?

– Дукаты – от латинского дукатус, то есть герцогство. Впервые были выпущены Венецианской республикой в 1284 году. Котировались во многих странах Европы на протяжении семисот лет, – мгновенно вытащил из своей энциклопедической памяти Гриша и тут же добавил: – догадываюсь, на что ты намекаешь.

– Да, пацаны, да! Будем выпускать дюкаты!

– Как изрек наш партийный лидер, я ухожу от вас оплодотворенным, – подытожил Гриша.

Договор

У главной проходной «Радиалки» Хуторянский и Чалин остановились и заспорили.

– Башку на отсечение даю, – зажеликулировал Хутор, – надо через верх решать, генеральному кланяться. А он уже всех, кто ниже, нагнет.

– А интерес его в чем? – не без ехидцы в голосе спросил Гарик. – Не станешь же ты ему деньги предлагать, тем более что у нас их нет.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Хутор. – Главное – сколько! – и сам себе ответил: – А у нас есть несколько.

– Такое количество его не устроит, – подвел черту в споре Гари-рик. – Поэтому надо через низ решать. Пойдем прямо в цех, к Кислису. Ему никого наклонять не надо, он сам всем кланяется.

– А его чем заинтересуешь? – возразил Хутор. – Ты ж его знаешь. Он же отмороженный. Не пьет и денег не берет.

– Странно, конечно, но вот поэтому к нему и пойдем.

– Считайте, что вы этого не говорили, а я этого не слышал, – слегка заикаясь и округлив глаза, ответил Кислис, озираясь по сторонам, хотя в «кабинете» никого, кроме Хутора и Гари-ка, не было.

– Так никто же не узнает, – развел руками Хутор.

– И никто и не узна-а-ает, где могилка моя, – потихоньку фальшиво напел Кислис и шепотом добавил: – У нас и стены слышат. Все начальники по три раза в день мне вказивки и нахлобучки дают. Шуруем в две смены эти долбанные никчемные приспособления для ремонта «Жигулей», которые нужно самих ремонтировать, не довезя из магазина. И все равно до плана не дотягиваем. А в третью смену – ни калачом, ни штурделем не заманишь.

– Даешь пятилетку за три дня! – призывно продекламировал Хутор.

– Иосиф Давидович, уважаемый, – дипломатично вступил в беседу Чалин, – вектор наших с вами задач практически совпадает. Главное, чтобы все было законоподобно.

– Законоподобно, – повторил, хватаясь за голову, Кислис.

– Аргументировать? Аргументирую, – имитируя голос известного артиста, продолжил Чалин. – Официально мы арендуем оборудование в ночную, третью смену. Неофициально – в две смены успеем и ваши приспособы сверх плана, и наши дюкаты наклепать.

– Пацаны, или вы рехнулись, или считаете, что я верю в чудеса и доброго всемогущего волшебника.

– Никаких волшебников, – заверил Чалин. – Объясняю популярно эффект экономического чуда: изготовитель продукции –

правильно, рабочий. Кто оценивает качество приспособлений? Правильно, покупатель. Кому покупатель платит за приспособления? Правильно, магазину. Магазин – заводу. Завод – рабочему. При этом рассчитывать на качество и план – все равно что включить электролампочку через унитаза, кран и батарею парового отопления. Труд и деньги должны идти навстречу друг другу. Ты мне труд быстрый и качественный – я тебе деньги сразу и много. Ты мне липу – я тебе шиш.

– Чудеса без меня, – отмахнулся Кислис. – Я ничего не знаю. Сами договаривайтесь с работягами.

Понадобилось минут пять обеденного перерыва, чтобы договориться с бригадой штамповщиков. Предложение было конкретным: оплата впятеро большая, чем заводская, с оплатой по факту качественно и своевременно выполненной работы.

Бригада не подвела и получила все сполна, как договаривались. За пять смен получили по месячному окладу. На следующий день и всю последующую неделю на работу никто не вышел. Ушли в пьяный загул.

Явились через неделю, не оправдывались. Лишь Бугор, опохмеляясь пивом, пробурчал: «Договора, чтоб не пить, не было». Последующие шабашные зарплаты получали жены бригадников. Попытка возразить напоролась на симметричный ответ: «Договора не отдавать деньги женам не было».

Живая вода

– А Гриши еще нет, – открывая дверь, улыбнулась Лариса.

– Это мы раньше времени приперлись, – тщательно утюжа ботинками половик, ответил Пеца. – Здравсьте.

– Гришка не опоздает, – усаживаясь на диванчик в Гришином кабинете, уверил Гарик и, подойдя к Гришиному столу, над которым высилось циклопическое увеличительное стекло, восторженно воскликнул:

– Ты гляди, что он натворил! Все купюры, что в прошлый раз напридумывали, он успел нарисовать.

– Восхищайтесь, – предложил Пеца, передавая и комментируя рисунки купюр: – На обратной стороне дюката территория его хождения. Как тебе нравится?

– А что, супер! – похвалил Гарик, любуясь купюрой. – Казначейский проездной билет «Семь сорок» мне нравится. «Два одесских лева» тоже хороши. А как вам «Семь одесских лир»?

– Я придумал, – похвастал Пеца.

– Только не бери на себя больше, чем можешь вынести, – хитро улыбнулся Гарик. – Может быть, ты и «Одесский фунт лиха» придумал?

– Ну уж нет. Ты на меня грехи городских начальников не валяй, – отказался Пеца. – Да и купюра такая не фонтан. Не суй меня, Господи, куда меня не просят.

Из прихожей послышался Гришин сварливый бас: «Это не издательство, а УТОС какой-то». И не здороваясь, войдя в комнату, продолжил:

– Зенки, как будто, открыты, но красный от коричневого, зеленый от серого отличить не могут.

– Гриш, а Гриш, УТОС – это кто такой? – остановил Гришино возмущение Гарик.

– Ой, не делайся. Сам знаешь – Украинское товарищеское общество слепых.

– Тогда толком объясни, – вступил в разговор Пеца, – они слепые или дальтоники?

– Мне по барабану, – постучал себя по макушке Гриша. – Я им там такой разнос устроил! Век будут помнить.

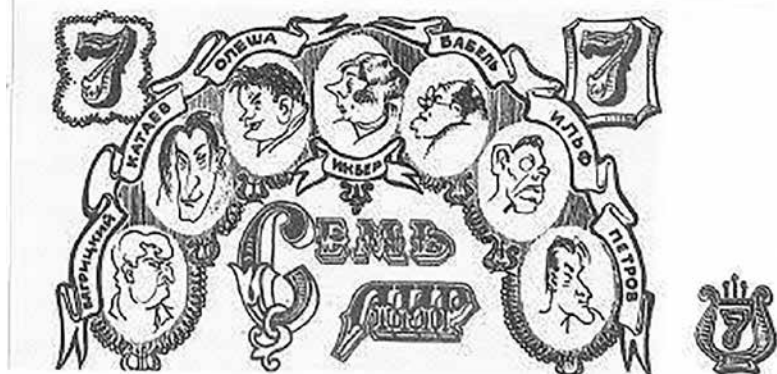
– А сколько будет стоить, чтобы они об этом забыли, знаешь? – вскочив с диванчика, с упреком спросил Гарик. – Так, остаетесь с Пецей придумывать, как конвертировать наши деньги. А я мухой в издательство. Придется гасить шампанским Гришкин разнос, если огонь еще не дошел доверху.

– Это что такое? – наигранно удивилась Капиталина Сидорова, начальник отдела, она же получатель подарков с двадцатипятилетним стажем, глядя поверх очков, сидящих на самом кончике носа, на коробку конфет «Стрелка» и бутылку «Советского шампанского».

– Это витамины радости и расположения, – пригарцовывая у стола, заискивающе заулыбался Чалин.

– Вы знаете, как я к вам отношусь, – пряча шампанское под стол, признательно-угрожающим тоном произнесла матерая мелкая взяточница. – Я могу вам помочь, – сделав паузу и запихивая конфеты в сумку, продолжила она, – но не в этот раз. Без команды шефа тут не обойтись. Быстрее, пока не ушел! До обеденного перерыва пятнадцать минут.

Смотаться в гастроном, что напротив издательства, купить коньяк, несмотря на то, что его не было в продаже, хватило десяти минут. Вертлявый продавец с испуганными глазами, пересчитав деньги и обнаружив рубль сверху, достал из-под прилавка пару

бутылок пятизвездочного «Белого аиста», завернутого в «Комсомольскую правду», и быстро сунул бутылки в потертый портфель.

Когда запыхавшийся Чалин влетел в приемную, до обеденного перерыва оставалось еще пять минут. Директор издательства Федор Федорович Шикорник по-хозяйски запирает дверь своего кабинета.

– Не удастся тебе испортить мне аппетит. Твои бойцы до тебя успели, – не поздоровавшись, сообщил Шикорник, вынимая ключ из замочной скважины.

– Гриша – бойцы? Да он мухи не обидит, – звякнув бутылками, возразил Парац.

– Это чего у тебя там? – будто не понимая, заинтересовался Шикорник, открыв дверь и пропуская в кабинет Чалина.

– Живая вода с сиропом, – пояснил Гарик, выставляя бутылки на письменный стол. – Химическая формула аш восемь двенадцать.

– Ладушки, – смягчился Шикорник. – Заказ сделаем оперативно, за три дня уложимся, – продолжил он, не отрывая глаз от бутылок. – Но бойца твоего чтобы я больше здесь не видел.

Слово Шикорник сдержал. «Чисто одесские деньги» были изготовлены за три дня, но после того, как он, дорожа своим именем, вышел из самого короткого в его жизни недельного запоя.

До первоапрельской Юморины оставалось пару дней. На Дерибасовской, Приморском бульваре рядом с Думой, у входа в оперный уже сколотили помосты для праздничных представлений. Сотни лотошников мостят прилавки по обеим сторонам улиц, где пройдет карнавальное шествие. К «Лондонской» и «Бристолю» то и дело подкатывают кортежи автомобилей со звездами кино, театра, эстрады.

Договор с «Союзпечатью» на реализацию фальшивых монет и купюр уже подписан. Если доставить их на центральный склад Главпочтамта, в киоски они попадут уже после Юморины.

Мадам Животовская

Жизненные передряги раньше времени наложили паучью сеть морщин на лицо Людмилы Иосифовны Животовской, которое стало похоже на моченое яблоко белого налива, но коммерческую закваску не отбили. От почтальонши, любящей почесать язык, Милька узнала, что проворовавшегося завскладом Почтамта уволили «по собственному желанию». Проситься напрямую было бесполезно. Знала: на шару ничего не пройдет. И даже бабки возьмут только через своих. Нужен был блат.

Помогла та же почтальонша, похвастав, что сожительствоет с Фомичом, высоченным верзилой, шофером самого Склизского – директора Почтамта. Дальше было, как говорится, дело техники. А технику эту Милька знала, как свои пять.

Встретились с Петром Петровичем Склизским в курине Фомича, за Дачей Ковалевского. Говорили на одном языке: черная и белая касса, четверть с отката себе, остальное наверх. Ну и вступительный хабар, конечно.

За два десятка лет Людмила Иосифовна обжила складской подвал настолько, что он больше походил на квартиру. Занавески на окнах, горшочки фиалок на подоконнике, цветные коврики на полу и мягкий диван для посетителей.

Вот уже около получаса парились на этом диване Фима и Гарик. Людмила Иосифовна любезно пригласила их присесть и подождать, пока она справится с неотложным делом. Конечно, никакого, тем более неотложного, дела у Мильки не было. Она хорошо усвоила, что нет ничего хуже ожидания. Тридцать-сорок минут неизвестности делали клиентов значительно сговорчивее.

– Ну, юноши, – наконец-то подняла глаза на посетителей Животовская, – чем порадуете? Только в темпе вальса. Как говорит классик, время, которое у нас есть, – это деньги, которых у нас нет.

Улыбаясь и поддакивая, положив двойной подбородок на сдобные руки, слушала мадам Животовская просьбу о разрешении кооператорам развезти фальшивомонетной продукции по ларькам «Союзпечати». Но соображалка на ходу уже прикидывала в уме навар. Только за счет «внутренних резервов» можно сэкономить и леваком продать пару сот литров бензина. И, само собой, откат. Но вслух сказала, замахав руками:

– Нет, нет! Так дело не пойдет. Не имею права. Да меня тут же обэхаэсники заметут. Понимаете, чем я рискую?!

– Поэтому и предлагаем пять процентов, – перешел на шепот Пеца.

– Как сказал бы мой покойный муж, царствие ему небесное: пацаны, не гоните порожняк.

Сошлись на пятнадцать процентах – но не деньгами, а товаром.

– Пять процентов киоскеру – раз, – загибая пальчики с кроваво-красным маникюром, перечисляла Людмила Иосифовна. – Пять процентов складу и пять процентов наверх, – подняв глазки в молитвенном подобострастии, закончила она.

Вместо эпилога

Как в весеннее половодье вбрасывают реки воду в море, оставаясь при этом полноводными, так наполнялся первоапрельским утром Бульвар, Дерибасовская и Горсад людьми, текущими нескончаемыми потоками из спальных районов города, с железнодорожного и автобусного вокзалов.

Вокруг киосков у Потемкинской лестницы, возле скульптур Льва и Львицы, на Дерибасовской угол Ришельевской образовались змееподобные очереди в несколько колец. «Золотой» и «серебряный» дюкаты котировались два к одному по отношению к государственной валюте. Пять купюр «Чисто одесских денег» свободно конвертировались в таком же соотношении.

Подвозить фальшивые деньги стало невозможно. Тротуары и мостовые были запружены гуляющими. Три киоска были смяты

и раздавлены. С рук курс сувенирных монет и купюр рос каждый час. К концу дня он превысил номинал в десять раз.

Фальшивые деньги, медали, ордена, паспорта и партбилет успешно продавались еще несколько лет. На счету кооператива «Подкрылки» накопилась денежная сумма с шестью нулями. Как вскоре оказалось, деньги умирающей империи были гораз-

до фальшивее сувенирных. Инфляция съела их, оставив одни нули. Сувенирные живы, только разлетелись в разные страны, где есть одесситы. А где их нет?

